

Канун Нового года в семнадцатый год эры Небесного Предначертания принес в поместье военного министра Гуаня удушающий страх.

Сам министр, глава клана, неподвижно восседал в главном зале. Вот уже три дня подряд он без устали опустошал кладовые, отсылал прочь наложниц, распускал слуг и спешно прятал собственных детей.

Пять дней назад, в день зимнего солнцестояния, преставился старый император. Он оставил завещание, согласно которому престол наследовала его старшая дочь, а прочие отпрыски должны были помогать ей в управлении, получив княжеские титулы. Обнародовал бы двор эту волю, Чанло, возможно, отделался бы лишь тайными интригами.

Однако предсмертный указ покойного императора утаили.

Буквально за одну ночь благородную супругу Су вместе с ее дочерью, четвертой принцессой, заключили под стражу. Благородную супругу Гуань задушили прямо в ее покоях, а рожденный ею второй принц, Гао Минцян, оказался вынужден поднять мятеж и с боем прорываться за дворцовые ворота. С этого мига Чанло захлестнула открытая буря усобиц, расколовшая государство на части.

Военный министр Гуань, привыкший прожигать жизнь в распутстве и праздности ради призрачного спокойствия, мог лишь беспомощно наблюдать, как погибает его родная сестра и восстает племянник.

Новый правитель — новые слуги. За тридцать лет правления старого императора клан Гуань растерял былое доверие. Лишившись военного влияния еще двадцать лет назад, они могли рассчитывать лишь на кучку придворных книжников. В мирное время эти люди искусно сражались на кистях, но теперь, когда грянула война, им оставалось лишь молить о спасении.

Поскольку министр держал бесчисленное множество наложниц, дети его отличались редкой красотой. Стоило сыновьям и дочерям подрасти, как их отдавали в другие влиятельные дома в качестве супругов или наложников, плетя широкую сеть родственных связей. Семья годами растила этих красавцев ради одного — укрепить свое положение в смутные времена. Но три дня назад в Чанло ворвалась конница клана Гу из другой области. Всадники принялись методично, дом за домом, вырезать всех, в ком текла кровь Гуань.

Их предводитель, Гу Цзиньюй, объявил, что бежавший принц Гао Минцян все еще скрывается в столице, и устроил повальные обыски.

Головы убитых за пределами поместья родственников одну за другой укладывали в деревянные шкатулки и нескончаемым потоком доставляли в окруженную войсками резиденцию Гуаней.

Весь город замер в леденящем страхе, а обитатели усадьбы метались, подобно загнанным в ловушку зверям.

Военный министр пытался отправить прошение новой императрице, выказывая полную покорность, и умолял о помощи князя Чжэньбэй, Гу Яня. Однако владычица проигнорировала его письмо, а ответом от клана Гу стал пожелтевший от времени тайный донос под названием «Обвинение Гуаня в тайной торговле табаком клана Ань».

К этому ветхому, иссохшему свитку был приколот целый ворох посмертных записей — ровно шестнадцать страниц, исписанных именами невинно казненных членов клана Ань. Каждое имя было выведено ядовито-красной тушью, сочащейся вековой ненавистью и жаждой мести. В самом конце стояла подпись: «Ань Жои».

Тогда министр понял: старый долг крови придется платить сегодня. Миром это дело не кончится.

Они загнаны в угол, впереди — лишь смерть.

Близился полдень праздничного дня. Гуань как раз отослал последнюю горстку верных слуг и жег личные архивы, собиравшиеся больше тридцати лет его службы, когда тяжелые двери зала распахнулись.

Вздвогнув, министр обернулся и с тихим шипением отдернул обожженную пламенем сухую руку.

— Юньцзи?! Почему ты здесь? Я же велел тебе бежать из города вместе с войсками клана Гэ!

Его единственный законный наследник, некогда высокомерный и блистательный молодой господин Гуань Юньцзи, теперь едва держался на ногах. Волосы его растрепались, дорожная пыль покрывала порванную одежду.

— Отец... — Юньцзи очень давно не называл его так. — Клан Гэ сдался. Императрица помиловала их.

На ладони министра быстро надувался болезненный водянистый волдырь.

Юньцзи, спотыкаясь, подошел ближе:

— Она пощадила их, но не нас. Наш палач — клан Гу... Гу Цзиньюй. Что нам делать? Неужели просто сидеть и ждать, пока вырежут весь наш род?

Министр промолчал. Он лишь продолжил бросать в огонь отчетные книги и свитки с государственными тайнами. В просторной зале, наполненной едкой гарью и пеплом, остались двое — отец и сын, которые за долгие годы так и не научились понимать друг друга. Слышны были лишь их тяжелые, прерывистые вздохи да треск пожираемой пламенем бумаги.

Смертельный страх, подступавший все ближе, окончательно сломил волю Юньци. Ноги его подогнулись, и он рухнул на колени прямо под резной деревянной табличкой с надписью «Чистое сердце, верность долгу».

Слезы градом покатились по его лицу, когда он принялся неистово просить прощения у живых и мертвых предков своего рода:

— Простите... Простите меня... Если бы той ночью я удержал кузена, если бы смог уберечь Сяодуна... Гу Цзиньюй не безумствовал бы так, выкашивая нас одного за другим!

Окончательно потеряв рассудок от горя, он бился лбом о каменный пол среди кружащегося в воздухе пепла:

— Это моя вина! Все из-за меня!

Старый министр смотрел на него, дрожа руками. Он не знал, кто такой этот Сяодун, о котором кричал сын, но всем существом чувствовал его бездонное отчаяние и раздирающее душу раскаяние.

Гуань-старший хотел сказать ему: «Глупец, истинный виновник нашей гибели — я. Это я всю жизнь рвался к власти, плел интриги и уничтожал соперников. Погибель нашего рода — плод моих собственных грехов, которые я копил последние двадцать лет. А ты... Тебе всего восемнадцать. Разве мог ты, юный барчук, совершить нечто настолько ужасное, чтобы навлечь проклятие на девять колен?»

Перед лицом неминуемой кончины даже самый жесткий человек смягчается. Этот порочный, беспутный отец искренне желал облегчить душу сына, снять с него непосильное бремя вины и, возможно, вернуть хоть каплю былого тепла, но между ними слишком долго стояли годы взаимной неприязни и ледяного отчуждения.

Он успел лишь хрипло выговорить: «Сын...» — как приоткрытая тяжелая дверь зала с грохотом разлетелась в щепки под ударом покрытого запекшейся кровью армейского сапога.

Юньци испуганно обернулся. За разрушенным порогом не было вражеского войска. Там стоял лишь один человек, словно восставший из кровавой преисподней — Гу Цзиньюй.

— Юньци... — негромко позвал Гу Цзиньюй, сжимая в руке свежий, только что взятый клинок. Ослепительно чистое острие его меча с противным, скрежещущим звуком волочилося по каменным плитам, заставляя зубы сводить от боли. — Куда же ты так торопишься? У меня ведь накопилось к тебе столько вопросов. Нам определенно стоит вспомнить былые времена.

Еще утром Юньци видел, как нещадно Цзиньюй рубит людей, не слезая с коня. Но сейчас, когда он был загнан в угол, его изнуренный разум между инстинктом самосохранения и

долгом перед отцом выбрал последнее. Он на коленях бросился вперед, заслоняя собой старика, и дрожащими пальцами выхватил из рукава короткий нож «Крылья бабочки». С этим жалким трехдюймовым лезвием он наивно надеялся противостоять огромному боевому мечу.

Цзиньюй мягко вздохнул, медленно приближаясь с напускным выражением глубокой скорби на лице:

— И как ты собираешься меня остановить? Ты — изнеженный сынок писца, привыкший лишь греть вино да разглагольствовать о стихах в стенах своей Академии Широкого Благодеяния. Высокомерный паразит, чьей единственной забавой было топтать ногами моего Сяодуна...

Голос его звучал размеренно и тихо, но удар оказался безжалостным. Движение меча было столь стремительным, что превратилось в едва различимую тень. Юньци не успел даже моргнуть, как его лицо обожгло резкой, нестерпимой болью — лезвие рассекло лоб, и хлынувшая кровь мгновенно залила глаза, окрасив мир в багровые тона.

Цзиньюй брезгливо пнул его, отбрасывая в сторону, и наступил сапогом на изящную, но хрупкую рукоять ножа. Схватив за шиворот полуживого от ужаса министра, он приподнял его над полом.

— Смотри внимательно, Юньци.

На глазах у Юньци сталь насквозь прошила тело его отца.

Брызнувшая кровь окропила лицо убийцы, но тот лишь ласково, безумно улыбнулся застывшему юноше. В этот момент сквозь проломленную дверь влетел кречет Догоревший фитиль и, опустившись на плечо хозяина, любопытно склонил голову набок.

Зажимая руками глубокую рану, рассекшую лицо надвое, Юньци сквозь пелену слез и крови оцепенело смотрел на него.

Перед ним стоял человек, которым он когда-то восхищался, лучший воин империи, чья верная птица теперь сидела на его плече, омытая кровью его близких. И этот человек глядел на него с холодной, чудовищной злобой.

— Мне правда жаль, Юньци... — протянул Цзиньюй, выдергивая клинок. Он небрежно швырнул еще содрогающегося в агонии старика к ногам сына. — Твой кузен поднял мятеж, а значит, весь ваш род — изменники. Мой долг — истребить вас до девятого колена. Я пришел вырезать твою семью. В этом мире все возвращается на круги своя. Когда вы клеветали на клан Ань, обрекая их на мучительную смерть, думали ли вы, что кара за это настигнет и вас самих?

Юньци опустил дрожащий взгляд и натолкнулся на остекленевшие, полные немого ужаса глаза отца, так и не закрывшиеся перед смертью.

— Твои родители должны умереть. Но тебя я могу пощадить. И твоего никчемного младшего брата тоже — так и быть, заберу двоих по цене одного. — Цзиньюй опустился перед ним на корточки и кончиком окровавленного меча брезгливо поворошил тело министра. — Если хочешь, чтобы твой брат выжил, отвечай честно: что вы сделали с Сяодунем той ночью?

Он повторил вопрос несколько раз, прежде чем Юньцзи заставил себя поднять налитые кровью глаза. Кровь стекала по его подбородку, мешая говорить. Он прохрипел:

— Гу Цзиньюй... Ты уничтожаешь мой род под корень. Но сам ты... думал ли ты о собственном возмездии?

— О возмездии? — Цзиньюй глухо рассмеялся и равнодушно, с бесконечной усталостью поднял глаза к затянутому тучами небу. — Что ж, Небеса, смотрите внимательнее. Если мне суждена кара — пусть она обрушится прямо сейчас.

— Это Сяодун... Это из-за тебя Сяодун разделил твою участь! Все твои грехи пали на его голову! Небеса забрали его... Нет, они утопили его в ледяной воде! Твое наказание обрушилось на него!

Юньцзи кричал, брызжа слюной и кровью, его бессвязный бред походил на безумие, которое любой здравомыслящий человек просто проигнорировал бы с презрительной усмешкой.

Но Цзиньюй и сам давно лишился рассудка.

С диким рычанием он вонзил обломок меча прямо в левый бок Юньцзи, с такой яростью пригвоздив его к полу, что стальное лезвие с громким звоном переломилось пополам.

— Врешь! — содрогаясь всем телом, проревел Цзиньюй. — Сяодун жив! Мы перерыли весь город, но его нигде нет. Если он жив, я найду его, если мертв — отыщу тело! Куда вы его спрятали? Отвечай, или я прикажу раскопать могилы твоих предков и перемолоть их кости в прах!

Казалось, Юньцзи совсем перестал чувствовать боль. Он лишь иступленно кричал в ответ:

— Воды Чанло окрасились кровью! Твой Сяодун на самом дне, и ты сам осквернил его!

Два истерзанных безумца яростно кричали друг на друга, не слыша чужих слов. Оглушенный их воплями Догоревший фитиль сорвался с плеча и улетел прочь. Вскоре в зале появился Чжу Лю, младший брат управляющего Чжу Ми, разыскавший их по полету кречета. Оценив обстановку, он мгновенно бросился вперед, чтобы удержать потерявшего контроль Цзиньюя.

— Господин, придите в себя! — воскликнул Чжу Лю с привычной ему суетливостью. Впрочем, его боевые навыки были безупречны — рассчитав силу удара, он резко опустил ладонь на

спину Цзиньюя.

Цзиньюя вырвало темной, застоявшейся кровью, сковывавшей его грудь. Безумный огонь в его глазах медленно угас, уступив место мертвенной, потерянной пустоте.

Слабо оттолкнув Чжу Лю, он, пошатываясь, побрел прочь из оскверненного кровью зала. Спускаясь по каменной лестнице, он оступился и покатился вниз. Распластавшись на холодной земле, он даже не пытался подняться.

— Что же делать? Что делать?.. — тихо, бессвязно шептал он в дорожную пыль. — Вода покраснела, они испачкают Сяодуна. Ему ведь так не нравится грязь... Нет, он не в воде. Это я в ней. Это я с самой нашей встречи пять лет назад тону в этой зловонной жиже. Это я грязен. А Сяодун... Сяодун чист. Он навеки останется непорочным...

<http://bllate.org/book/20609/2215137>